

Э. Лимонов

Гоголь: бессмертные типы

В 1996 году для круглого Ивана Рыбкина была создана невнятная организация с невнятными целями — Консультативный совет при президенте, некая совещательная медуза, где предложено было участвовать всем имевшимся в наличии политическим партиям. Мы воспользовались этим и предложили кандидатами в совет десять наших партийцев. В конце концов всех наших отменили и оставили одного меня, как самого известного. Я пожелал войти в Комитет по безопасности. Удивились, попробовали отговорить, взяли. Я пришел на первое заседание Комитета. Состоялось оно в здании Администрации президента на Ильинке. Пройдя мимо перешептывающихся стражей порядка и охраны всех мастей, пройдя через раму металлоискателя, поднялся, нашел круглый зал. Зал был уже полон. Все с неодобрением и раздражением оглянулись на меня. Я уселся в задний ряд. Пришел и сел на сцене за тяжелый стол председателя Петров — бывший 1-й глава Администрации Ельцина (а до того — бывший 1-й секретарь Свердловского обкома партии) — высокий, худой и седовласый.

Я стал разглядывать зал, между тем как они выбирали всякие там комиссии. Зал был полон пожилых мужчин от 40 до 60 и выше возрастом. Подавляющее большинство имели грузную, пухлую комплекцию, более половины носили животы. Еще столько же были лысыми. Все без исключения имели начальственный вид. Пятеро или шестеро были облачены в военную форму с генеральскими лампасами. Без сомнения, все они были в прошлом крупными начальниками. И хотели стать еще раз начальниками. Спор разгорелся за единственное оплачиваемое место секретаря Комитета по безопасности, так как Петров, неведомо кем назначенный, уже числился Председателем Комитета. Петров, я быстро это понял, наблюдая за ними, хотел провести на место секретаря своего человека, в то время как в зале нашлись и другие претенденты. Они по очереди выходили к микрофону и аргументировали свою поддержку того или иного кандидата, перечисляя его прошлые заслуги: Иванов, дескать, уже работал на связи между правительством и Верховным Советом, у него огромные связи, ему и карты в руки. Сидоров, дескать, сидел в 93–95 годах в Госдуме в соответствующем комитете, вот его и следует избрать секретарем. Один вышел сам и минут 15 расхваливал себя, какой он отличный исполнительный чиновник. Они волновались, гудели, шумели, вскрикивали, вскакивали, одному генералу стало плохо, лицо побагровело, и его престарелые товарищи вывели его из зала под руки. Только я сидел, безучастный, в кожаном пиджаке, и стремительно думал, искал, что это мне так мучительно напоминает. Советская бюрократия была мне незнакома, потому меня отнесло к литературе. Гоголь! — осенило меня. Чиновники! Гоголь!

Спаслись, выжили и через 150 лет после смерти Николая Васильевича живы чиновники российские, живы, крапивное племя! Неизвестно, с какими целями создал Рыбкин Консультативный совет, то ли по приказу Ельцина, чтобы иметь готовую институцию, повторяющую своей конструкцией Государственную думу. Дабы когда дума вконец достанет президента, распустить ее и передать ее функции Консультативному совету. Или же Консультативный совет был позволен и подарен Рыбкину в утешение, поскольку левоцентристская партия Рыбкина не получилась, в думу не прошла, получилась правоцентристская черномырдинская партия «Наш дом — Россия!». Как бы там ни было, Консультативный совет забили до отказа махровые чиновники. Мало изменившиеся со времени написания «Ревизора», «Носа», «Шинели» и прочих чудесных сказок Гоголя о чиновниках.

Они поворачивали ко мне блины лиц. С некоторым беспокойством. Они знали, что я, кроме всего прочего, журналист и могу живописать их драчку за место. Но охота пуще неволи! Охота было единственное хлебное место заполучить, и они стали ругать друг друга. И Петров уже еле-еле успокаивал их, так они орали! Отстойник для чиновников, соискающих место, — вот что это было, этот комитет! В конце они слаженно сфотографировались. Больше я в Комитет не ходил за явной ненужностью моего там пребывания. Я ведь хотел включить НБП в легальный процесс, а не соискал места. Мне еще долго звонили оттуда и посылали факсы: приходите, Эдуард Вениаминович, будем обсуждать интересную тему.

Гоголь «увидел» чиновников. Он нашел в их облике и нравах определенную отрицательную поэзию. «Ревизор» по сути дела, так же как и «Мертвые души» — поэма. Гоголь живописал этих могучих типов России со всеми их шинелями, калошами, носами и зеркалами для бритья. Поэзией отвратительного пропитан быт чиновников. (Чего стоит хотя бы только что прозвучавшее из тюремного репродуктора сообщение, что все больше российских чиновников стали носить часы на правой руке, как их носит Владимир Владимирович Путин.) Всякое министерство в далекой гоголевской России имело свою форму. Глядя на вновь назначенных генералов от таможни и от налоговой службы, на их помпезные мундиры и погоны, вспомнишь опять Гоголя — милейшего ипохондрика и скрытого некрофила. Гениальный писатель Гоголь, если взглянуть в его портрет, вовсе не прост, сквозь его черты сквозит тот еще маньячина, как выражается мой сосед по камере Алексей Толстых из Кунцева. Эти женские крылья двубортных волос, носик, остекленелые глаза, не то халат, не то шлафрок, затянутый на впалой груди. Подумать только, этот человек прожил большую часть своей жизни в ярко-солнечном Риме, а писал такие отталкивающие гениальные ужасы, как «Мертвые души». Сдались тебе эти российские чиновники, городничий — писал бы о небесах Италии и ее девках, но нет! Тоскливый Николай Васильевич, между прочим, запечатлел навеки в своем «Ревизоре» не более не менее как структуру нашей российской власти. Структура оставалась гоголевской и в советское время — вместо городничего был 1-й секретарь горкома, а вокруг него сидели отраслевые бешки — начальник военного гарнизона, начальник милиции, глава рыбо-мясо-треста и прочие. После якобы перестройки чиновничество России переживает грандиозный подъем — жить чиновникам стало хорошо, интересно, завлекательно. Сколько новых министерств пооткрывали! Какие возможности!

Николай Васильевич таки был маньячиной, да, Алексей. «Мертвые души» и «Ревизора» он написал на века, да что я говорю — на тысячелетия. Структура уловлена верно. И потому вечно ездит на тройке Чичиков по России, а мэры и пэры самодурствуют городничими в родных губернских городках N. В советское время встречались такие чудачки в городничих, что, блин, и на перо Гоголя незападно бы им попасть. Один выдающийся секретарь Тверского (бывший Калинин) обкома партии, в пору сенокоса выгонял всех чиновников обкома на пленэр, снабжал косами, и они у него в центре города, вокруг здания обкома партии, такой сенокос разводили, такую страда летнюю. И тотчас же ставили скирды. Весь город в скирдах стоял. В стогах.

Гоголь отрицательный писатель. В том смысле, что герои большинства его книг отрицательные люди или злые духи. Панночку, утопленницу, Вяя, Старого колдуна — всю эту нечистую силу создала та же рука, то же перо, что и Чичикова, Ноздрева, Манилова, Коробочку, городничего, Акакия Акакиевича, майора Ковалева — чиновники ведь тоже злые духи. Но так как писатель первичен, а герои его книг — вторичны, то ответственность все же падает на писателя. Ну и маньячина Вы были, Гоголь! Ну, по меньшей мере, странный человек.

Выдающимся исключением в творчестве Гоголя является отличный, здоровый, полный воздуха, запаха травы, горилки, отваги, крови и казацкого пота «Тарас Бульба».

Повесть эта, может быть, лучшая во всей русской литературе. (Каюсь тотчас и отбрасываю «может быть», лучшая!) Естественность, ненатужность, просторность повествования, живые, полнокровные герои, повесть эта достойна времени героического цветения нации, когда громокипящий генерал Ермолов побеждал на Кавказе, а туркестанские генералы — в Средней Азии, принося России в подарок ханства и эмираты. Очень большая загадка, как певец мертвецов и чиновников сумел вначале создать такой шедевр здоровья нации, а потом стал певцом мертвецов и чиновников? Ответ может быть один — заболел. А вирус болезни в нем уже был.

В отличие от завезенного Пушкина, Гоголь весь отечественный и самобытный. Хотя Пушкин поощрял Гоголя, а не наоборот. Он даже подарил ему сюжет «Мертвых душ». Скорее всего потому, что сам бы с ним не справился. Надоело бы, или испортил бы своим слишком легким, никак не трагическим пером.